

Его сердце тревожилось, но любому очевидцу было видно, что Гу Яо выступает в защиту законного сына дома Чжан. И в самом деле... Когда принцесса Фэнъи была жива, Чжан Ияо купался в лучах славы, но в какой-то момент он исчез из поля зрения людей, а на его месте объявились два сына наложницы из дома Чжан. Скрытая за этим драма, несомненно, была известна не многим.

— Министр Чжан тоже должен был бы проявить больше заботы об Ияо... Ведь это единственный сын тётушки Фэнъи!

Второй принц Сяо Цзиньянь не упустил возможности пнуть поверженного, и на его лице читалось явное торжество.

— Второй принц прав, нижний обязательно запомнит.

На его лице отразилось замешательство, оно то и дело меняло цвет, то бледнея, то краснея.

Чжан Цзыцин уставился на этого Гу Яо. Видя, как тот прячется и ведёт себя скрытно, он почувствовал сильную неприязнь. А сейчас этот человек своим поведением портит ему важное дело! Ненависть!

— Осмелюсь спросить, когда мой сын упоминал о реформах в военной сфере? Когда вы встретились? Почему я, премьер-министр, ничего об этом не знал? Неужели вы в полночь пробрались в мою усадьбу...

Думая об этом, Чжан Цзыцин внутренне содрогнулся. Неужели убийцы, посланные герцогом Ань, погибли от рук этого человека? Какие у него отношения с Чжан Ияо?

— Нет... Я встретился с Ияо ещё при жизни принцессы Фэнъи, но сейчас всё уже не то!

Эти слова были правдой. Вспоминая прошлое, он понимал, что Гу Фаньшун совершил слишком много ошибок. Подумав об этом, он медленно произнёс ещё одну фразу:

— В те годы принцесса Фэнъи упоминала, что её императорский брат говорил: «Управляй народом с помощью политики и законов, и люди будут избегать наказаний, не имея стыда. Управляй народом с помощью добродетели и ритуала, и люди, познавшие стыд, исправятся». В то время я, простой человек, был молод и ничего не понимал, но чувствовал, что это великая идея.

Упоминание Чжан Ияо о принцессе Фэнъи имело лишь одну цель — вернуть её образ в память людей, позволить этой невинно погибшей женщине в эти смутные времена спасти его самого... Он знал, что идёт на риск: он ставил на то, что в императоре Ляне ещё сохранилась капля совести и родственных чувств, что тот в конце концов не выдержит, видя, как унижают на глазах у всех сына его родной сестры.

Император Лян на мгновение замер. В его памяти всплыли образы Фэнъи: её улыбки, её взгляды. С детства она любила шантажировать его, пользуясь любовью матери. Наивная, невежественная, но добрая сердцем. Она точно знала, что её муж поступил с ней предательски, но всё равно выбрала прощение. Думая об этом, император испытывал всё большее раздражение, его лицо становилось всё мрачнее. Там, внизу, сидел премьер-министр Чжан, наслаждаясь богатством и почестями, а его собственная сестра уже давно возвратилась духом на небеса. И тот до сих пор не знает меры! Какой отвратительный человек!

— Да... Почему же всё эти годы во дворце никто не упоминал Фэнъи?

— Ваше Величество, это потому, что вы почтительны к сыновьему долгу и боялись опечалить вдовствующую императрицу, поэтому издали указ, не разрешающий упоминать об этом деле.

Рядом евнух Ван тихо ответил.

— Виноват, правитель. Вспоминая молодость, я понимаю, что воспитание с помощью добродетели, наверное, было лишь идеалом!

Император Лян тихо произнёс эту фразу, в глазах стояли слёзы, и он вздохнул.

— Император Лян свят и мудр. Только когда императорская гвардия сильна, а наша военная мощь не имеет равных, эти мятежники могут вести себя смиренно под давлением. Только дав им понять, кто настоящий правитель, и приучив к послушанию, можно будет обеспечить им добрую жизнь!

Чжан Цзыцин искренне раздражался при упоминании Фэнъи, и её имя застревало у него в горле, словно кость, поэтому он хотел сменить тему.

В сердце Чжан Ияо промелькнула мысль: неудивительно, что народ Великой Лян живёт в нищете. Это из-за чрезмерной строгости и беззакония власть имущих. Раз уж сегодня решился говорить, то не стоит себя сдерживать, лучше высказать всё, что накопилось, а потом делать планы. Думая так, он произнёс:

— Закон может ограничивать людей, но не может ограничивать людские сердца. Чрезмерное использование законов не может перевоспитать сердца. Если государство существует только за счёт военной силы, разве это не значит, что правители могут безнаказанно убивать невинных, а те, у кого есть армия, могут захватывать города и земли?! Насилие бесконечно циркулирует, откуда же народу взять спокойных дней.

— Подлец! Все знают, что Великая Лян держится на военной силе и законы управляют всеми существами. Твои слова означают, что император безвинно убивает людей! Какая у тебя смелость клеветать на Его Величество... Быстро схватить этого человека!

Чжан Цзыцин наконец-то поймал его на ошибке. Он не ожидал, что несколькими фразами тот лишит его власти главного экзаменатора весенних испытаний. Сейчас он готов был выпить его кровь и съесть его плоть!

— Премьер-министр, подождите. Я думаю, младший брат Гу Яо совсем не этого хотел. Почему бы нам не выслушать его до конца?

Сяо Цзиньюй мягко произнёс эту фразу, его глаза были прикованы к Чжан Ияо, и между бровями промелькнуло выражение лёгкого удивления.

Увидев, что его третий брат заговорил, Сяо Цзиньянь поспешил поддержать его:

— Премьер-министр Чжан, вы слишком мелочны. Вы не можете потерпеть слова даже юноши, это действительно не похоже на премьер-министра страны.

— Ты...

Чжан Цзыцин был так зол, что дулся, сверкая глазами, голова у него шла кругом. Эти два брата специально идут против него, какой отвратительный поступок!

Император Лян счёл слова Сяо Цзиньяня справедливыми и произнёс:

— Он всего лишь молод и говорит без разбора, зачем тебе злиться? Пусть выскажется, что в этом такого?

Он подал знак Чжан Цзыцину сесть, а затем снова обратился к Чжан Ияо:

— Продолжай, говори!

Чжан Ияо слегка улыбнулся:

— Использование армии и управление государством имеют один и тот же принцип: завоевание сердец — главное, завоевание городов — второстепенное. Психологическая война — главное, война оружием — второстепенно. Завоевав сердца простого народа, можно без единого солдата заставить их всем сердцем служить Его Величеству. В будущем, когда сильная армия будет штурмовать города, народ обязательно поклянётся защищать свою землю, в противном случае он перейдёт на сторону врага под стенами. Воспитывать народ добродетелью, ограничивать их с помощью законов, действуя в обоих направлениях, можно сделать страну стабильной на долгое время.

— Хорошо сказано! Есть идеалы. Ты очень похож на меня в молодости, забота о великой справедливости во всём мире.

Эта теория Чжан Ияо действительно удивила всех. Кто мог подумать, что юноша обладает такими познаниями? От реформы военного министерства до управления Поднебесной — всего несколько фраз вызвали любопытство у всех. Похоже, этот Повелитель Циля совсем не прост.

Взгляд Чжан Ияо обвёл всех, но остановился на Сяо Цзиньи, бровь поднялась, в нём сквозило довольство.

Сяо Цзиньи сохранял каменное выражение лица, покачал головой и пробормотал:

— Этот маленький лис... неизвестно, где он это слышал, смеет так нести чушь перед Его Величеством.

— Мне правда странно. Ты часто говоришь мне такие слова, почему сегодня это стало «чушью»? Неужели в этом мире, кроме тебя, не может быть умных людей?! Или если это говорит не Чжан Ияо, то тебе, даже услышав, будет неприятно.

Сяо Цзяньмо безжалостно насмеялся.

— У этого человека неясны цели, неизвестна личность. Если он будет рядом с Ияо, я действительно беспокоюсь... какова же его цель.

— Во всяком случае... Его цель проще твоей. Он просто хочет помочь Чжан Ияо, в лучшем случае испытывает к нему влечение. А ты?.. Неизвестно, какие грязные и низменные мысли роются у тебя в голове.

— Ты...

Сяо Цзиньи чуть не лишился чувств от гнева.

— Если бы не то, что ты мой старший, я бы тебя не отпустил.

Он злобно посмотрел на Сяо Цзяньмо.

В глазах Сяо Цзиньи Повелитель Циляня держался с достоинством, но не унижаясь, и то лёгкое смущение, которое он проявил при первой встрече с императором Ляном, выглядело искренним. Но он всегда чувствовал, что что-то здесь не так. Его улыбка, каждый жест — почему всё это так знакомо?

Видя, что наследный принц Сяо Цзиньчэнь, второй принц Сяо Цзиньянь и третий принц Сяо Цзиньюй внимательно его разглядывают, он несколько не избегал их взглядов. Человек, способный так угодить императору Ляну, неизбежно поднимет бурю на этом придворном совете. Похоже, он пришёл подготовленным.

На сегодняшнем дворцовом пиру император Лян был в отличном настроении. Рядом сидела драгоценная супруга У, то и дело подносящая вино и накладывающая еду, они были так нежны друг с другом, но при этом оставили императрицу Лян в стороне.

— Отец-император, ваш сын поднимает за вас кубок... благодаря мудрости и добродетели нашего императора, народ Поднебесной живёт в мире и достатке.

Второй принц Сяо Цзиньянь, держа вино, вышел вперёд и произнёс тост.

Император Лян слегка улыбнулся:

— Наш Янь всё больше становится разговорчивым. Похоже, в последнее время много книг прочитал!

— Я лишь поверхностно кое-что почитал, сын груб и простоват, но всегда помнит наставления отца-императора. Поэтому навыки верховой езды и стрельбы из лука никогда не бросал!

Сказав это, он посмотрел на Сяо Цзиньюя, и они улыбнулись друг другу.

Чжан Ияо внимательно наблюдал и думал, что эти несколько слов от этого пустоголового, наверное, Сяо Цзиньюй учил слово в слово. Сяо Цзиньянь известен как глупый до невозможности, просто ему повезло с местом рождения, его мать — любимая наложница императора Ляна, драгоценная супруга У. Он только и думает, что родился на несколько дней позже наследного принца, иначе место наследника определённо было бы его.

Увидев, что её сын говорит достойно, драгоценная супруга У тоже обрадовалась и произнесла:

— Ваше Величество, Чэнь-эр тоже уже достиг возраста, когда можно жениться, не так ли?

Услышав это, император Лян произнёс:

— Двадцать уже, да?

<http://bllate.org/book/16708/1535402>